Сергей Пронин, «Баллада».

Ступаешь на размокший снег,
клянёшь растраченный январь,
все имена расстался с кем
ты утром, словно пономарь,
перетираешь. Не спешит
автобус. Ночью замело.
И расписание души
сродни движению его.

Великий странник, домосед,
женатый или без жены:
плыви от края небес,
пока с другого ждут. Белы
во облацех снега для нас,
и жить, наверно, хорошо,
и жизнь, как будущий рассказ,
набросана карандашом.

Как недосмотренный сюжет
в начале ленты новостной,
пейзаж сменяется, уже
забыл названье и простой
той самой песенки мотив,
которой сам не написал:
слов настоящих не найти
тем, кто не верит в чудеса.

Где катастрофою плывет
корабль солнца, где зима
уже всковыривает лёд,
как строфы, новые дома
растут. Вот вышел человек

Сергей Пронин, «Баллада».

наружу, смотрит на фасад,
но, не найдя на всё ответ,
не возвращается назад.

Так, оставляя до поры
диверсию и саботаж,
пройдешь пустынные дворы
и двинешь дальше, где не наш
бушует город дорогой.
И с кем прекрасен он теперь?
Здесь, кроме памяти плохой,
все вещи изменят тебе.

Тоске последней всё отдашь,
уйдёшь, уедешь, не простишь
за разбежавшийся стаффаж
судьбы разъятой, как пастиш;
потребуешь остановить,
где предначертано давно,
и автору, чей грозен вид,
помашешь радостно в окно.

В молчанье творческом, во дни
рабочие придет конец
не слишком важному, но и
не скажешь, что протянешь без:
блаженный чествуешь разлад,
обмененный на твой покой,
и радуешься, не узнав,
себя за лишнею стопой.

Сергей Пронин, «Баллада».

В пустоты текстов и канав
как много утекло воды,
а ты, все мысли перебрав,
выскальзываешь из среды
в четверг. Как звонко во дворе
звучат всё те же голоса,
и не найдешь в календаре
недели праздничной конца.

И кто посмеет отлучить
от жизни братской, городской,
пока внизу не различишь,
летя зегзицей над Москвой
со стаей сизых доходяг,
где твой панельный дом и пруд
Люблинский… Всё нам возвратят
потом, но это — не вернут.